

представляется правильным. Книга ставит ряд новых вопросов, будит мысль читателя и оставляет ясное сознание плодотворности дальнейшей работы, которая, по выражению Томсона, представляется и в области античной истории, не имеющей границ. Перед нами работа, не только подводящая итог изучению автором поэзии крупнейшего из греческих драматургов, но и являющаяся в известной мере новым словом в зарубежной литературе по своим отправным пунктам и методологическим принципам. Можно только пожелать, чтобы в дальнейшей работе эти принципы проводились автором более строго и последовательно.

К. К. Зельин

L. НОМО. Le siècle d'or de l'empire Romain, éd. 19, P., 1947, 584 стр.

Идеализация Римской империи в современной буржуазной науке симптоматична. Политическая подоплека идеализации—это тоска по мощной мировой империи, укрепляющей власть буржуазии. Мнимое благополучие «римского мира», объединенного силой оружия, в числе прочих фальшивых аргументов используется в качестве обоснования агрессии современными претендентами на мировое господство.

Неслучайно в американской литературе последнего десятилетия участилось издание больших и малых работ по истории древнего Рима. Притом история ранней Римской империи обычно вызывает у американских историков чувство большего или меньшего восхищения. Все эти работы, по сути дела, антиисторичны, потому что они лишены исторического подхода и грубо модернизируют древнее общество. При помощи произвольных поверхностных аналогий с современностью протаскиваются и повторяются на все лады реакционные идеи о том, что ничего нового в общественном развитии нет и быть не может. Все уже было в древности. А положительная роль Рима, оказывается, состояла в том, что он беспрерывно воевал и завоевывал племена и народы, потому что римляне якобы любили порядок и оберегали неизбежность международных соглашений, которые могли быть нарушены варварами.

Не останавливаясь на открыто расистских точках зрения, например, у Т. Франка, отметим, что такая «историческая литература» в США имеет целью не изучение истории древнего Рима, а выполняет вполне определенное реакционное задание, используя неосведомленность широких кругов населения в вопросах истории древнего мира. Фальсифицируя историю древнего мира, буржуазная историография обрабатывает умы читателей в желаемом для Уолл-Стрита направлении. Несомненно, учитывая такого рода литературу, государственный секретарь США Ачесон мог в конце 1950 г. заявить по радио следующее: «Я считаю, что при помощи современного оружия и изобретательности мы можем сделать именно то, что было сделано за столько столетий во времена Римской империи. Это зависит от силы организации, от превосходства нашего оружия. При наличии всего этого можно будет сдерживать любые орды» («Правда» от 26 сентября 1950 г., № 11741).

Но не только фашиствующие книги американских авторов подготовили почву для возмутительного заявления Ачесона. Ее подготовили и аполитичные по внешности труды буржуазных историков-эрудитов, идеализировавших и идеализирующих по сути дела то же самое, что и их более откровенные американские собратья по перу, а именно — диктатуру римских рабовладельцев, объединивших силою оружия под своей властью обширные территории, эксплуатировавших покоренные страны и высоска третиравших всех неримлян, и в том числе даже своих учителей — греков. Это ощущал на себе, как мы знаем, даже Плутарх, достигший высокого звания консуляра и одно время занимавший пост прокуратора провинции Ахайи. В своих «Moralia» (814A) он так характеризует положение греческого главы местного самоуправления, формально разрешенного римскими императорами. Обращаясь к представителю местной власти, Плутарх говорит: «Накинь на себя плащ поскромнее и со своего места стратега все время посматривай на кресло римского правителя и не придавай слишком

большого значения венку на своей голове, помня, что над ней занесен римский сапог. Этот римский сапог и приводит в умиление буржуазных ученых от оголтелых фашистов до внешне добропорядочных и аполитичных так называемых «объективистов», на все лады воспевавших и воспевающих в своих книгах и статьях классовый мир и благоденствие в Римской империи I и II вв. н. э.

К числу таких по форме объективистских работ, которые пролагают путь современной откровенно фашистской литературе, относится и рецензируемый объемистый труд маститого французского буржуазного ученого-эрудита Омо. Он издан в известной научно-популярной серии: «Les grandes études historiques».

В этой серии печатаются большого объема работы уже известных ученых, рассчитанные на привлечение значительного круга читателей. Многие из этих работ систематически переиздаются. Это, так сказать, книги зарекомендовавшие себя определенными, нужными буржуазии качествами. Объемистый труд Леона Омо вышел в 19 изданиях неспроста. Он выполняет важный социальный заказ буржуазии, а именно — под маской «объективизма» идеализирует древнюю Римскую империю.

Как специалист по истории древнего мира, профессор Омо известен давно. Ему принадлежат изданные в 20- и 30-е годы широко известные в буржуазной историографии работы в серии «L'évolution de l'humanité»: «L'Italie primitive et les débuts de l'impérialisme romain», а также «Les institutions politiques romaines. De la cité à l'État.» Ему же принадлежит и большой том в известной французской истории древнего мира, издававшейся под редакцией Глоппа, а именно третий том третьей части этого издания: «Le Haut-Empire», и ряд других работ. Работы Омо имеют значительный элемент описательности: автор обращает внимание на различные детали, приводит большой фактический материал, за которым скрывается липо осторожного консерватора. Как полагается для «добропорядочного» буржуазного ученого, он модернизатор.

Остановимся сначала кратко на его работе «Le Haut-Empire», тесно связанной по тематике с предметом настоящей рецензии. Работа «Le Haut-Empire» состоит из трех частей. I и II части: «Принципат» и «От принципата к военному деспотизму», посвященные истории Августа и его преемникам до Домитиана включительно. Омо идеализирует Августа, сумевшего организовать управление обширной империей, с чем не справился республиканский Рим. Последняя, III часть: «Либеральная империя II в. от Нервы до Коммода» (96—192 гг. н. э.) по теме полностью соответствует рецензируемой монографии «Золотой век Римской империи». В значительной мере эта последняя работа ставит точки над i, излагая период сосуществования военной власти и гражданского фасада. Омо нравится военная монархия, обшитая гражданскими украшениями. Постоянно превозносим либерализм, он на деле хвалит Августа и его преемников за то, что те сумели прикрыть военную сущность власти гражданской оболочкой. Август — организатор порядка. За это гораздо более откровенно одобряют Августа американские агрессивные писатели, для которых Август прежде всего подавил «низшие классы». За это же хвалит Августа и старый французский либерал Омо!

Мы не будем останавливаться на известной для специалиста манере Омо выдвигать на первое место политическую и культурную историю, снабжать свое повествование психологическими характеристиками исторических деятелей. Но следует обратить внимание на скрытые под маской объективизма консервативные тенденции маститого автора. Он во что бы то ни стало хочет представить Римскую империю II в. н. э. как некий абсолютный идеал, к которому надо стремиться и в наши дни. Но так как исторические факты этому противоречат, то и в изложении «золотого века» Омо впадает в противоречие со своими же утверждениями. Будучи ученым старшего поколения, получившим закваску еще в то время, когда буржуазия чувствовала себя прочной и потому меньше боялась фактов истории, чем в наши дни, Омо не всегда умеет замечать нежелательные для него события прошлого и поэтому не раз впадает в противоречие со своими основными идеями. Эти противоречия он пытается согласовать при помощи массы оговорок и характеризует результаты организационной работы ранней империи как неполные, неустойчивые, не завершенные, в связи с суммой обстоятельств.

того времени. Отсюда вывод, что гибель Римской империи обусловлена была рядом недоделок, избежав которых, она могла бы существовать и далее.

«Золотой век Римской империи», как известно, был наполнен сложнейшими экономическими, социальными и политическими процессами начавшего клониться к упадку, но внешне еще могущественного римского рабовладельческого общества и государства. Перед историком стояла трудная задача анализа экономики и общественных отношений прежде всего. Но идеалист и формалист Омо пошел по другому пути. Его книга состоит из пяти частей и обширного заключения. Часть I — «Проблемы и люди», часть II — «Внутренняя деятельность», часть III — «Защита территории», часть IV — «Рим и провинции», часть V — «Жизнь моральная, интеллектуальная и артистическая». По мнению Омо, перед империей стояли две основные задачи: внутренняя — управление и администрация, и внешняя — защита территории. Эти задачи в конце республики Цезарь пытался решить путем установления эллинистической монархии, а Помпей и Август — путем принципата. Преуспел Август. Под принципатом Омо понимает монархию, в которой, однако, император управляет в сотрудничестве с сенатом, что давало Римской империи, чисто военной по ее существу, гражданский фасад. Получилось, заключает Омо, не вполне стройно, но зато уменьшилась опасность военных переворотов. Недостатками принципата были: 1) разный объем власти императора в Италии и в провинциях: в Риме — в качестве принцепса, — он теоретически был ограничен, как высший магистрат, законом, а в провинциях он был самовластным военным правителем — императором; и 2) отсутствие наследственного принципа при смене императоров, что порождало постоянную опасность для императорской власти. Результаты этих двух особенностей сказались во время кризиса III в. н. э. Государство для Омо — надклассовая величина. Республика не смогла решить вопрос об управлении Римом, Италией и провинциями. Растущие административные нужды государства привели к возникновению и развитию империи. Омо последовательно проводит формально-юридическую точку зрения на исторический процесс. Историк и дела нет до народа, до трудящихся масс. Император, сенат, армия — вот главные объекты, привлекающие его внимание. В области защиты границ и внешней политики император, подчеркивает Омо, не совещался с сенатом, а действовал самостоятельно, что обеспечило более успешное разрешение внешней проблемы. Но армия была незначительна по количеству, и очень длинная граница недостаточно укреплена. Все эти внутренние и внешние проблемы, усложнявшиеся со временем, стояли и перед династией Антонинов во II в. н. э.

Как же приступает Омо к изложению своей основной темы? «Пролог — Нерва, четыре акта — Траян, Адриан, Антонин, Марк Аврелий, эпilog — Коммод. Таким представляется в глазах истории золотой век Римской империи» (стр. 35). Шесть императоров и больше ничего! Какой плод классово ограниченной автора и нежелания даже коснуться по существу социальной проблемы «золотого века», как он его называет. Идеалистически переоценивая личность и возводя ее в абсолют, Омо подробно останавливается на характеристиках императоров «золотого века», которые он дает в традиционно-благожелательном стиле. Восторженно характеризует Траяна, он отмечает только одну слабость императора — пристрастие к вину, но тут же оговаривается, что опьянение Траян «переносил чудесно» (стр. 47). Общим у всех императоров было их происхождение из «высшей провинциальной буржуазии» (стр. 101). Методы управления у них были разные, в зависимости от характера и темперамента, но цель одна: всеобщее благо. Свою реакционную концепцию классового мира и надклассовой императорской власти Омо последовательно проводит до конца книги. С обычной для буржуазного историка-модернизатора категоричностью рассуждает он о римской буржуазии и пролетариате.

Во второй части книги, посвященной внутренней деятельности Антонинов, Омо утверждает, что во II в. существовала либеральная империя, реализованная тесным согласием между императорской властью и сенатом. «Сотрудничество с сенатом придало империи гражданский фасад, который был ей необходим, устраняя возможное появление военной власти, обеспечило стабильность государства и самой император-

ской власти. Достигнув этой цели, либеральная империя полностью реализовала свою программу», — пишет Омо (стр. 113). Однако, оказывается, что «либеральной империи» мешали два препятствия: «народ и армия», но они были обезврежены чрезвычайной популярностью Траяна. В этом утверждении чувствуется высокомерие и ненависть буржуа к народу, который, оказывается, «мешал» делам сенатской аристократии и особенно милой сердцу автора «высшей провинциальной буржуазии», т. е. попросту — боролся против эксплуататоров! Далее Омо рассказывает о постепенном ограничении роли сената при Адриане; причиной этого прежде всего был, по мнению автора, самовластный и несколько замкнутый характер императора и рост имперской бюрократии. Он отмечает рост экономического, финансового и военного значения провинций, их романизацию на Западе. Все это связывается с деятельностью императоров династии Антонинов, которые мудро администрировали, вводили новые налоги и часто прощали недоимки. Последнее обстоятельство Омо отмечает, как тревожный симптом неблагополучия с финансами. Однако от анализа этого явления Омо по существу отклоняется. Третья глава второй части озаглавлена «Социальная политика». По словам Омо, двумя ее существенными частями были: юстиция и алиментарные учреждения. Антонины заботились о справедливости и человечности. Антонины стремились искоренить злоупотребления в области гражданского и уголовного права, в большинстве связанные с режимом Домициана. Под влиянием стоической философии улучшилось положение женщин и рабов. Происходило общее смягчение прав. Алиментарные мероприятия Антонинов Омо также объясняет моральной эволюцией римского общества (стр. 186).

Часть третья трактует о защите территории. Омо верен своей антинаучной идеалистической концепции, уверяя, что этот вопрос решался различно, согласно индивидуальной температуре императоров. На втором месте он ставит «настоятельность момента» (стр. 212). В последующих частях Омо описывает величие Римской империи и основанный на престиже ее силы длительный мирный период во II в. н. э. Римский мир повлек за собой всеобщее благоденствие и безопасность жизни, которые уже «никогда не встретятся в истории человечества» (стр. 339). В данном случае не лишне вспомнить об одной из излюбленных идей современных поджигателей войны в целях оправдания гонки вооружения — о мире посредством военного устрашения, — и об ужасных результатах, к которым это приводит на практике. Несмотря на академизм и внешнюю аполитичность повествования о «добром старом времени» Римской империи, Омо здесь щедро пролил воду на мельницу американо-английских агрессоров. Характеризуя наступательную политику Траяна, автор подчеркивает, что лишь она одна могла спасти империю. Для того, чтобы существовать, надо наступать. Поэтому неудача Траяна на Востоке на войне с Парфией имела трагические последствия для империи в будущем. Блестящий успех этой войны сорвали иудеи.

Далее Омо распространяется на тему о благоустройстве городов и о достоинствах города Рима, в особенности. Правда, были и некоторые неудобства: скученность, обвалы домов, пожары, дороговизна жизни, отсутствие безопасности на улицах и т. д. Но все это, с точки зрения Омо, мелочи по сравнению с величием императорских дворцов и парков и роскошных вилл римских сенаторов. Скученность населения в городе Риме он объясняет, например, наличием большого императорского парка, который нельзя было застраивать (стр. 357). Перед нами обычное в буржуазной исторической литературе сосредоточение внимания на второстепенном, вместо того чтобы разобраться в основном — в чудовищной эксплуатации масс рабовладельцами древнего Рима.

«Мир в провинциях, свобода в городах — таков в последнем счете секрет римского величия при империи вообще и при Антонинах в частности!» (стр. 400) — патетически восклицает Омо. Но тут же оказывается, что местные свободы не стесняли римское правительство, которое управляло многочисленными покоренными народами. Из переписки Плиния Младшего с Траяном мы знаем, что последний запретил организацию добровольной пожарной команды, опасаясь, что под ее видом возникнет тайное антиправительственное общество. Даже баню в провинциальном городе нельзя было по

строить без специального разрешения императора. Хороши свобода и благоденствие, нечего сказать!

Постепенный упадок муниципиев и рост сальтусов, огромных императорских имений, лишенных автономии, был, по Омо, одной из главных причин будущего падения Римской империи (стр. 404). Упадок муниципиев был связан с ростом императорской бюрократии, необходимой для управления империей. В этом отношении вмешательство императоров в дела муниципиев, хотя бы диктовавшееся, как, например, у Траяна, самыми благородными мотивами, имело пагубные последствия для империи. Так, изучение экономического и социального процесса подменяется формально-юридическими коллизиями в процессе развития государственного организма, как самодовлеющего целого, и деятельностью «добродетельных» императоров.

Много «потрудились» Антонины в области унификации населения Римской империи. Они романизовали западные провинции путем предоставления провинциалам прав римского гражданства, постройкой новых городов и т. д. Но особенным проводником римской культуры была армия: «Римская армия была подлинным Римом, пересаженным к самым границам варварства» (стр. 417), — подчеркивает Омо. Аппарат насилия римских рабовладельцев, который способствовал романизации провинций, превращается под пером Омо только в источник просвещения «варваров». При Антонинах достигли высокого развития экономические ресурсы и связи империи, хотя низкий уровень техники и недостаток рабочих рук тормозили это развитие. Но все-таки «...римский мир при империи представлял экономический организм, который вследствие своего протяжения и чрезвычайного разнообразия своей продукции удовлетворял сам себя» (стр. 438). Провинции экономически развивались и даже обгоняли Италию, но «Рим сделался, с экономической точки зрения, главным регулирующим местом мирового рынка» (стр. 440). Мы знаем, что дело было иначе. Экономическое развитие провинций ставило их в резкое противоречие с Римом, остававшимся в этот период прежде всего военно-административным и политическим центром, высасывавшим соки из провинций посредством налогов.

В заключительной главе, посвященной культуре, Омо остановился на причинах возникновения христианства. Главной причиной его распространения Омо считает... «красоту морали» (! стр. 451). Новая религия оказалась в выигрыше от всей моральной эволюции языческого общества. Так, Омо попросту отказывается замечать то тяжелое положение рабов, колонов и массы провинциалов, которые, будучи придавлены римским железным кулаком и не имея пока надежды на успех в открытой схватке с эксплуататорами, выражали свой, в данном случае, пассивный протест, в том числе и в религии. По словам Омо, в христианстве был лишь один недочет, пробивший брешь в империи. «Христиане нарушили единство трона и алтаря» (стр. 463), отказав императорам в обожествлении. Но это отношение к императорам Омо объясняет тоже только моральными, а не социальными причинами. Здесь же Омо останавливается на так называемом серебряном веке римской литературы, на состоянии искусства и архитектуры в II в. н. э., отмечая черты начавшегося упадка по сравнению с предыдущим периодом.

Обширное заключение, имеющее подзаголовок: «Конец прекрасных дней», Омо посвятил объяснению причин недолговечности государственного злания, возведенного Антонинами. Век Антониянов, — пишет Омо, — представляет апогей того великого исторического факта, который носит имя «римского мира», но он вынужден констатировать, что в римском мире во II в. н. э. обнаруживаются «серьезные признаки декаданса» (стр. 545). Система принципата к концу правления Антониянов окончательно себя изжила. Римская армия, небольшая по численности и основанная на принципе добровольности, испытывала затруднения при рекрутировании и как армия профессиональная стояла дорого, что всегда заставляло ограничивать ее численность. Этот недостаток восполнялся ее исключительной подвижностью. Но, с переходом к системе провинциальных пограничных армий, комплектовавшихся из местного населения, подвижности вопских соединений был нанесен непоправимый удар. Армии начали прирастать к месту. Пока сохранялся римский характер командного состава,

еще было полбеды, но «в тот день, когда начальники и солдаты будут объединены общностью происхождения, единство императорской армии будет изжито и военная анархия будет близкой» (стр. 549).

Верный себе Омо скользит по поверхности явлений. Он старательно избегает производить неблагоприятный для него социальный анализ, который должен был бы вскрыть причины того, почему обширная Римская империя не могла иметь значительной армии, почему только римский командный состав был надежен и мог «обеспечивать общеимперские интересы», как это утверждает сам Омо. Он обращает внимание на недостаточность внешней обороны империи, на слишком узкую ленту пограничных укреплений, в результате чего, «если линия границы была пробита, римский мир оказывался без защиты и отданным нашествию» (стр. 549), как случилось, например, при Марке Аврелии. Омо совершенно не интересуется состоянием тыла римской армии. А его состояние, конечно, имело большое значение в деле обороны границ. «Высшая опасность — та, которую раз-навсегда хотел уничтожить Траян, — одновременная атака на двух фронтах: западном и восточном — оставалась висеть над римским миром. Еще полвека, и события III в., которые чуть-чуть не разбили империю вдребезги, обнаружили это во всей полноте» (стр. 550).

И в экономике, несмотря на «великолепные достижения римского мира», были свои тени: критическое положение финансов, упадок муниципальной жизни, увеличение неводеланных земель, применение режима принуждения. Экстраординарные расходы привели при Марке Аврелии к тому, что «тяжесть взимания податей, несмотря на всем известную кротость императора, спровоцировала в Далмации, Дакии, в Египте мятежные движения» (стр. 551). «В городах буржуазия, раздавленная своей финансовой ответственностью, и пролетариат одновременно ослабевали» (стр. 563). В деревнях исчезала мелкая собственность в пользу крупной, сосредоточенной в руках императора и городской аристократии. «Растущие нужды империи приводили к централизации... и это приводило к военному деспотизму, к абсолютной монархии» (стр. 556). С отказом от системы усыновления в наследовании престола режим Антонинов рухнул. Посокрушавшись над «теневыми сторонами века», Омо возвращается к основной мысли своей книги.

Антонином удалось устранить хроническую несостоятельность учреждений при помощи комбинации муниципального режима с бюрократией и реализовать старый политический идеал Платона: «лучшее правительство то, которое отправляется мудрецом» (стр. 574). Однако система имела слабый пункт: мудрость не передается по наследству. С переходом власти к Коммоду все рухнуло. В данном случае Омо, как известно, солидаризируется с Дионом Кассием.

Не замечая того, что он выше говорил о «теневых сторонах режима», Омо в заключение снова твердит читателю, что время Антонинов было золотой эрой «прежде всего вследствие счастья, которое оно в течение столь долгого периода давало восьмидесяти миллионам человек. Мир никогда не знал затем эпохи столь счастливой, как этот апогей цивилизации и человечности, когда власть и доброта соединялись у правителей, чтобы заслужить признательность...» (стр. 577). В общем за красивыми словами мысль буржуазного историка ясна: не массы, а личности делают историю. Не следует трудиться над анализом экономики и социальных отношений. Дело не в монархии, а в том, хороший или дурной царь управляет. Дело не в рабстве, а в том, добрый или злой хозяин у раба. Все дело в человеческой природе. Мудрецы управляли неблагодарной чернью, и все было хорошо, заключает Омо. Но он явно не может свести концы с концами. С одной стороны, говорит о благоденствии, а с другой, — отмечает разорение и угнетение, происходившее, как он думает, из-за несовершенства государственной машины развивавшейся, согласно Омо, в идеалистическом отрыве от экономики и социальных отношений, как надклассовая величина, призванная к установлению гармонии.

Банкротство буржуазного мира и буржуазной науки еще раз продемонстрировано книгой Омо, задача которой, как и многих других, усыплять классовое сознание читателя, уводить его в сторону от постановки социально-экономических и политических проблем. Омо представляет экономику и социальные отношения как нечто количествен-

венное, не дающее в своем развитии новых качеств. Он ориентирует читателя на различные частные проблемы, например, на комплектование армии и т. п., чтобы отвлечь его внимание от основного — от неизбежности падения древнего рабовладельческого Рима в результате экономического развития и классовой борьбы.

Омо озабочен проблемой укрепления трещащего по всем швам буржуазного общества, обреченность которого он, естественно, боится заметить. В своей работе «Золотой век римской империи» Омо озабочен не исследованием подлинной истории того времени, а задачей успокоения современной буржуазии и дезориентирования читателя из народа. По утверждению Омо, не развитие социальных противоречий и классовой борьбы привели к гибели Римскую империю, а недостатки в аппарате, недочеты в организации армии, не обеспечившей границ от вторжений варваров. На оборону требовались и большие средства, которые при тогдашнем низком уровне техники нельзя было собрать. Растущие нужды привели в конце концов к финансовому кризису. Не законы развития классового общества, а ряд случайных внутренних и внешних причин ослабили империю. В числе их оказывается отсутствие добродетельных и мудрых императоров после смерти «кроткого» Марка Аврелия.

В общем «добрым старым римлянам» нехватало армии и военной техники, чтобы продлить «благоденствие» завоеванного ими «римского мира», нехватало финансовых средств. И когда Эйзенхауер, Ачесон и им подобные на современной, более высокой военно-технической и финансовой базе собираются, как они утверждают в речах, повторить опыт Римской империи, то почву для этой аргументации подготовили и такие аполитические по внешности книги буржуазных историков-эрудитов, как работа Л. Омо «Золотой век Римской империи». На ее примере во весь рост проявляется реакционная сущность так называемого буржуазного объективизма и лишней раз подтверждается политическая актуальность изучения древней истории. Актуально не только то, что близко по времени. Поэтому особенно необходимо показать в ряде научно-популярных марксистских работ Римскую империю в ее подлинном историческом виде с ее достоинствами и недостатками, как империю рабского периода. Такие очерки советских ученых, в числе прочих мероприятий, будут тоже служить делу наглядного разоблачения целей современных империалистов, тоскующих по «золотому веку» римских рабовладельцев.

†

Н. Н. Пикус

Allan Chester JOHNSON and Louis C. WEST, Byzantine Egypt Economic Studies (Princeton University Studies in Papyrology, № 6), Princeton, 1949, VIII + 344 стр.

Рецензируемая книга принадлежит двум американским папирологам, в течение многих лет занимающимся изучением римско-византийского Египта. В 1926 г. Джонсон в соавторстве с Эбботом опубликовал книгу о муниципальном устройстве Римской империи¹. В 1936 г. он издал объемистую монографию «Римский Египет до Диоклетиана»², вошедшую в качестве второго тома в серию Т. Франка «Экономическое обозрение древнего Рима», разобранную в нашей научной печати покойным А. Б. Рановичем³. Джонсону же принадлежит ряд папирологических публикаций. Вест работает по специальным вопросам экономической истории Египта.

Самую тему исследования (Египет IV—VII вв.) нельзя не признать весьма интересной. С 1909 г., когда появился первый труд в этой области⁴, и до настоящего вре-

¹ F. F. A b b o t t and A. C. J o h n s o n. Municipal Administration in the Roman Empire, 1926.

² A. Ch. J o h n s o n, Roman Egypt to the Reign of Diocletian, Baltimore, 1936.

³ ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 225 сл.

⁴ M. G e l z e r, Studien zur byzantinischen Verwaltung Ägyptens, Leipziger historische Abhandlungen, XIII, Lpz, 1909.